

18+ *Мириам Хагалас*

Маяки

The background of the cover is a light, warm-toned gradient. It features several dandelions in various stages of their life cycle. Some are fully formed, with their characteristic spherical seed heads. Others are in the process of blowing away, with their seeds drifting through the air. The dandelions are rendered in a dark, brownish-gold color, matching the overall aesthetic of the cover. The title 'Маяки' is written in a large, elegant, black cursive font, positioned centrally over the dandelions. The author's name 'Мириам Хагалас' is written in a smaller, black cursive font above the title. The age rating '18+' is enclosed in a white rounded rectangle in the top left corner. At the bottom, the text 'Сборник рассказов' is written in a black, sans-serif font.

Сборник рассказов

Мириам Хагалас

Маяки

<https://litres.ru/74143134>

ISBN 9785006961166

Аннотация

Сборник рассказов Мириам Хагалас приглашает читателя в путешествие по многогранным уголкам человеческой души, раскрывая тонкие грани эмоций, сложные взаимоотношения и неожиданные повороты судьбы. Каждый рассказ — это отдельная вселенная, наполненная яркими образами, глубокими переживаниями и непредсказуемыми развязками. Этот сборник — настоящая находка для ценителей тонкой прозы.

Содержание

Есть то самое место	5
Огуречная голова	25
Если бы деревья могли кричать	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маяки

Мириам Хагалас

© Мириам Хагалас, 2026

ISBN 978-5-0069-6116-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть то самое место

Хотела бы я поведать вам об удивительной красоте Кавказа: о сиянии луны над горами, о звезде, что ярче всех прочих, о подёрнутых дымкой лесах. И вы полно прожили бы красоту этих мест. Но правда в том, что я не видела, не замечала её. Для меня она существовала где-то в другом месте и в другом времени. Всё заслонила проклятая война.

Готовилась ли я к поездке в Чечню? Думала ли о ней? Нет. Неожиданное известие камнем свалилось на моё бедное сердце. Пришли из военкомата.

— Ваш сын, предатель, самовольно оставил военную часть и сдался в плен. Верните его на добровольных началах.

Ох, тяжела материнская доля: никогда не знаешь, когда по голове стукнет.

В Назрань я прибыла ранним утром. В части, где служил мой сын, сказали, что ничего о нём не знают, что я напрасно приехала, поисками пленных занимаются специальные поисковые бригады в Ханкале.

И вот я нетерпеливо поднимаюсь по ступенькам здания,

где располагается Комиссия по розыску и обмену военнопленных. За столом — румяное лицо с густыми пшеничными усами.

— Значит, если я добуду информацию о местонахождении сына, вы его обменяете? А много надо денег на выкуп? Пятьдесят тысяч долларов? Почему так много? Куда смотрят министры, генералы? Почему бездействует президент?

— С вас — информация и деньги, с нас — обмен. Я всё сказал. До свидания, мамаша.

В городе становилось жарко. Полуденное солнце встало в зените. Разгорячённые палящим огнём деревья в изнеможении роняют иссохшие листья на мёртвую от пожарищ землю. На стене разрушенного здания кровью написано: «Добро пожаловать в ад!» Как в беспамятстве медленно брела я по осколкам разрушенного города. Ты ступал здесь, Алёша, а за тобой летело пламя смерти и стоны людские. Как же мы это допустили?

Неожиданно из-за угла, как чёрт из табакерки, выскочила рослая, с лицом ястреба женщина, бесцеремонно ткнула в грудь микрофоном:

— Добрый день. Центральное телевидение, «Первый» ка-

нал. Вы не ответите на несколько вопросов?

Зажужжал мотор камеры.

— Мы ведём репортаж из свободной Ханкалы. Сотни героически погибших солдат... Но, несмотря на потери, наши мотострелковые батальоны продолжают выполнять боевые задачи, тем самым обеспечивая успешное продвижение штурмовых отрядов в Грозный. Жители Ханкалы благодарны соотечественникам за... Стоп, камера!

— Женщина, вы в своём уме? Зрителю не рыдания нужны и сопли, вникать же в ситуацию надо! Соберитесь!

— Да пошла ты! Засунь свой микрофон в одно место!

Она просверлила меня взглядом, полным нескрываемого раздражения и гнева.

— Я думала, вы патриотка...

— Хочешь чистую, как стеклышко, правду? У этих детей интервью возьми! И поясни соотечественникам, почему мы им «гуманитарку» вместо матери и отца вручаем!

А над городом без устали и передышки ревела канонада

орудий. Кружило над землей со зловещим карканьем равнодушное ко всему воронье...

Под вязом, на жёлтом бревне, неподвижно сидела сухая, как перец, чеченка. Она шевелила беззубым ртом, будто молилась, то и дело сдвигала на глаза пестрый платок, потому что солнце било ей прямо в глаза.

— Что тарацишься, садись, потолкуем...

Обессиленная, я опустилась рядом.

— Журналиги поганые, роют, как мухи в говне! Что ты перед ними горло драла? Они только мыльные пузыри из жопы пускать умеют! Я расскажу тебе правду. Старуха затянула жалобным скрипучим голосом:

— Знаешь, обычай у нас такой: если воины обнажили кинжалы, женщины, распустив волосы, кидают меж ними платки. Когда в Назрань вошли первые танки, выбежали мы на улицы с платками и распустили волосы. Но не знали русские про наши обычаи. Как подстреленные птицы, упали платки под тяжелые гусеницы. И вернулись мы в дома и спрятались по подвалам. Тогда навстречу пулям и танкам вышли мужчины и убивали людей с Севера, жестоко, не щадя. Если падал мужчина, на смену выходил мальчик с ножом, горячей кро-

вью и ненавистью в душе. И ответила братской Чечне русская армия огнем с неба. И обратились дома в руины, погребая под собою живых. Утонула в крови земля-матушка, застонала. Но Кавказ хранит нас. Наши мужи не мыши, они не зарылись в норы, а ушли в горы, туда, где у каждого рода есть свои камни...

В воздухе разлилась гнетущая тишина. Старуха водила палкой круги по серой, как заплаканные глаза, луже.

— Каким ветром тебя занесло в Ханкалу?

— За сыном приехала, только не знаю, где искать. Горько, бабушка. Обида грызет. Мой Алёша не нужен своей стране. Разве это справедливо?

— Только дураки да сумасшедшие ищут справедливости на свете, а добивается тот, у кого денег хватает! Не трать силы на обиды, подавишься. Слушай, голубушка, что я тебе скажу: поезжай в сторону Синих гор. Если где и искать сына, то только там: в окрестностях Шали.

Старуха колыхнулась, кряхтя, достала из-за пазухи что-то, завёрнутое в бумагу.

— Вот, возьми. Это деньги. Тебе нужнее!

— Да как же я верну их?

— Упрямая ты, что коза не доенная! Это у вас, русских, «в долг возьмёшь, без сапог уйдёшь», а на Кавказе: дают — бери! Иначе обидишь. И помни: что тебе Господь определил, того и держись, вперед не суйся! Как ни широка дорога, а всем на ней не поместиться.

Мучительно долгой была моя дорога в Шали. Я обходила сёла, показывала фотографию Алёши. Кто в лицо плевал, кто проклинал, кто бил, иные щедро давали хлеба и молока в дорогу. Ночевала на улице, в подвалах, в квартирах чеченских посредников, в армейских казармах.

Через два месяца безуспешных поисков я прибыла в Шали. Печаль умирания царила на пустынной площади, в тени садов затаилась глубокая скорбь и тревога. Сломанные рёбра всё ещё ныли. Чтобы унять боль, я села на срубленную черешню около невысокого дома. Эх, судьба! Люди, что лист на ветру: не знает лист, куда его вынесет, не ведает и для чего.

— Что сидишь, оглохла? — раздался за спиной окрик, — подай вот там, из кучи, большую книгу!

Я очнулась от задумчивости. Передо мной стояла худощавая женщина: словно из воска вылитое лицо с сухими, застывшими морщинами.

Торопливо схватила из кучи самую большую книгу. На полуобгоревшей обложке золотом сверкнула надпись: «Словарь Даля».

— Так это же Даль!

— Да мне хоть Даль, хоть педаль, главное — толстая, гореть дольше будет. Что стала, как истукан, заходи в дом. Ты думаешь, косынку как чеченка подвязала, так я не пойму, что ты русская? Заходи, от греха подальше, а то изрисуют тебя наши джигиты по самое не могу.

Плотные листы занялись сразу и жарко.

— Здесь, милая, нельзя скакать, как горный козёл: где придётся и как хочется. Сгинешь и поминай, как звали. Ты зачем к нам?

— За сыном приехала. В плену он. Сказали, здесь искать надо.

— Верно. Частенько возвращают: по частям, в мешке, чаще без головы, чтобы не опознать было. А куда деваться ма-

терям, берут в отчаянии. А ты за живым или за мёртвым приехала? Живых генералам вашим в Ханкалу переправляют. На живых такса другая. Кому война, а кому мать родна. Что посерела? Знала, куда ехала.

В горах что-то ухнуло, дом задрожал.

— Не обращай внимания. Это по горам стреляют. С горами воюют. Думают, горы можно убить. Старые люди говорят, что раньше горы умели летать. Я верю. Если горы некому любить, они улетают. Посмотри, что мы сделали с горами! Кем мы стали? Зверьми, не знающими жалости! На погибель идём. Пропадём все, и больше ничего.

Её красивые с голубоватыми белками глаза помутнели. Она сорвала косынку, белые, как молоко, волосы космами пали на грудь. Слёзы горохом посыпались на прижатые к груди кулаки. Передо мной стояла молодая седая женщина, полная отчаяния и невысказанного горя.

Некоторое время молчали. За окном ударил дождь. Мокрые плети без устали хлестали по стёклам. Горько вздохнула я в мучительной тоске по дому. Где-то затерялась в полях деревня моя: цветущий сад с могучими грушами, головастые подсолнухи в межах. Разве плохо мне жилось тогда? Хорошо жилось: вольно и радостно. И каждая былинка обнима-

ла меня, каждый лучик солнца пронизывал жаром. От души кормила натруженная земля. Ох, эта треклятая война! Что ни говори, что ни придумывай, а не убежать от неё. Видно, у судьбы на меня свой расчёт.

— Так и не представились друг другу, — прервала молчание хозяйка. — Тамара я. Поживи пока у меня. Будут спрашивать, говори, родственница, из Назрани. И фотографии сына всем подряд не суй в нос. Тут у всех такое же горе. Понимать надо. Или ты думаешь, что сердце чеченской матери по-иному бьётся? Да и не скажут тебе правду! Денег попросят и обманут наверняка. А то и побьют.

— Да бита уже.

— Давно ищешь?

— Два месяца. И в Гременчуках была, и в Автурах, и в Курчалой, в Майртупе.

— А в Агишты была?

— Через блокпост не пропустили.

— Живет у меня там брат, Муртаз, попробую помочь.

В доме от натопленной печи стало жарко. Тамара ловко достала из печки кастрюлю с дымящейся картошкой и бараниной. Сели за стол. Ели медленно, молча. Тишину нарушил странный гул за окном. У мусульман пришло время намаза. Поплыли волной мощные голоса, вздымаясь победно до самого солнца, задрожали деревья, высоко-высоко над головами молящихся людей закружила стая испуганных птиц.

Прошло две недели, а известий из Агишты не поступало. Русские всё так же стреляли по горам, всё так же глухо и протяжно стонали они, роняя слезы по умирающим лесам. Небольшая передышка и чувство безопасности в Тамарином доме укрепили мои силы и расшатанные нервы.

Наступал август. С каждым рассветом солнце вставало всё ленивей. Темнее и холоднее становились ночи, ниже стлался туман по обнажённым садам предгорных равнин.

В один из вечеров, загребая ногой тучи дорожной пыли, в дом ввалился незнакомец с потухшими глазами и серым изнурённым лицом.

— Я от Муртаза! Собирайся. Ночью выезжаем.

На прощанье Тамара сунула узелок с одеждой.

— Не побрезгуй, твоя уже с плеча сползает, да и осень не

за горами. Береги себя, Люба!

Обнялись мы и тогда уж расстались.

На рассвете, когда минула восемьдесят третья ночь поисков, я прибыла в Агишты.

Безлюдна дорога, покрытая грязью, корчатся обугленные деревья в садах, угрюмо гудит сосновый бор. Я уже подошла к дому Муртаза, когда заметила это движение наверху. На войне быстро учишься вниманию и осторожности. Ропот, подобный тяжкому вздоху, шёл от леса. И вот из-за макушек сосен с глухим рычанием выползла «вертушка». Это был наш русский вертолёт! Я радостно замахала руками. Очередь прошила воздух. Я рухнула как мешок. Железная рука стиснула сердце: «За что?» Это было последнее, что я помнила.

Ранение оказалось несерьезное. Пуля прошла через плечо навывлет. До сих пор я боролась за жизнь, как могла и умела, но этот удар от «своих» окончательно лишил сил. Всё вдруг стало безразлично, и с бесчувственной покорностью склонилась я перед своею судьбой. Не думала больше о себе и только ждала, пока всё как-нибудь само закончится. В горячечном бреде проходили картины недавнего прошлого: истерзанные тела без кожи, отрубленные головы на заборах, ухмыляющиеся лица с пустыми глазницами.

Время шло. Крепкий горный воздух и хороший уход Азман взяли своё. Через две недели я уже могла вставать. Хозяйка была приветлива и участлива.

— Как же ты не испугалась тогда выйти на улицу, Азман?

— Больно видеть, как погибает животное, а как смотреть, когда умирает человек? Не могла я тебя бросить.

И вот, наконец, приехал Муртаз. Все сели за стол.

— Назови мне имя своё и дом, женщина.

— Зовут Люба, а родом из Ярославской области, деревня Абрамово. За сыном приехала. В плену он. Денег на выкуп нет. Одна его растила. Тамара сказала, что ты помочь можешь.

В глазах его закипела такая злоба и ненависть, такая буря протеста и ярости, что я в смятении отвела взгляд.

— Одна растила? А зачем убивать отправила? Веруешь? Что же Христос не научил твоего сына любить детей наших? Почему вы не вышли на улицы, когда бомбы обрушились на города Чечни? Разве мы другие? Вы с кем ведёте войну? С матерями, стариками, детьми? Ты же была в Назрани и виде-

ла, что город полон изувеченных людей! Они все боевики? А может, ваши генералы ничего об этом не слышали? Так знай же: да, вы убили нас на этой войне, а мёртвые не боятся! Мы обогреем жилища вашими лживыми газетами и журналами, а наши каменные сердца будут безжалостны и терпеливы! Нас воспитали и вскормили горы, а горы покорить нельзя!

— Муртаз, — цыкнула Азман, — от твоего крика рыба на реке передохнет. Ты не на митинге! Мы вместе с русскими этой проклятой войной так всю землю перепахали, что скоро и одной полосы, чтоб спокойно человеку ходить, не останется! Все хороши! Она и так в аду! Помоги или замолчи!

Смягчившись, Муртаз взял фотографию Алёши и спрятал в карман. Вечером он уехал.

— Азман, как думаешь, поможет?

— Поможет, обязательно! Если Муртаз взялся за твоё дело, доведёт до конца. В Синие горы он поехал, к Шамилю.

Света не было. Пищу готовили во дворе, на костре. По вечерам ютились в единственной уцелевшей комнате, пили чай с чабрецом. Тихо роняет слёзы Азман.

— Трёх детей за войну похоронила. Старшие, Белижа и

Зелиха, погибли при первой бомбёжке. Рано утром, солнце ещё не взошло, из «градов» село обстреляли. Вот смотри, четыре дыры в стене насквозь пробиты. Многих в тот день хоронили. А неразорвавшихся снарядов столько осталось, что на них внимания никто не обращает. Младшенький мой Кирим подорвался месяц назад. Мало, что от него нашли: сапжок и ножку. Под старой хурмой, в саду, схоронила детей своих. Одна радость: из окна могилки видны, ходить далеко не надо.

Больно душе! Оттого больно, Любушка, что никому мы здесь не нужны, и помощи ждать неоткуда! На что мне независимость от России, коли дети мои в могиле лежат? Муртаз душу рвёт, мочи нет. За что воюет? За землю свою? А сколько ему надо земли-то этой? Будь проклята война! Помяни мое слово, Люба, не будет в ней победителей, если брат на брата пошел. Сна нет, слез нет. Руки ходуном ходят, хлеб толком нарезать не могу. Из продуктов мука да картошка прошлогодняя осталась. Собаки и те голос потеряли, не лают, не воют. Где дороги к домам? Где мосты? Где магазины, школы, больницы? Всё взорвано. Как это пережить? Где сил взять?

— А где гробы доставали для похорон?

— Кто из шкафа, кто из кровати делал, а мусульмане без гробов хоронят.

— А почему окна не затянете, хоть простынями или одеялами, прохладно уже.

— На случай пожара: успеем хоть что-то из вещей выкинуть.

Время шло. Наступила осень. Дни становились дождливее, холоднее и ветренее. И вот вернулся Муртаз.

— Завтра выезжаешь. Крепись, мать. Твой сын мёртв. За телом поедешь в село Ведено.

Ударило в лицо ледяной струёй дыхание смерти. Громким криком закричала я и рухнула на пол. Хотела в отчаянии руки на себя наложить, но уберёг господь. Помог разговор со старым чеченцем Гази, который сопровождал меня в Ведено.

— Ты, Люба, должна жить и всем рассказать о сыновьях наших. Как на смерть лютую, бессмысленную их определили. Как в огонь и в воду шли они, одурманенные шакалами. И чтобы правда о войне этой сохранилась на долгие годы, чтобы внуки и правнуки наши услышали, как печаль катилась рекой по земле-матушке. Может, красота души людской и не откроется тебе более, может, счастье и покинуло дом твой, но и в засохшем листочке можно жизнь разглядеть. Ты

должна жить, чтобы другие дети запускали бумажного змея и слышали пение птиц, чтобы родился новый чудный мир лучше прежнего!

И показалось мне тогда, что раздвинула дорогу широкая спина его, легче дышать стало, а серое небо прояснилось.

Синие горы ждали меня. Ушел мой Алёшенька по их шрамам в далекий мир, где не обогреет его солнышко, где не услышит он соловья в тишине сумерек.

Зачернели силуэты зданий. Прибыли в село Ведено. Неожиданно из темноты надвинулось небритое лицо с голым черепом, застучали тяжёлые шаги. Машину обступили вооружённые боевики и стали досматривать. Бессмысленным взглядом загнанного животного смотрела я на окруживших меня людей.

— Гази шлюху привёз!

— Мать это: за телом приехала. Она от Муртаза.

— Вези её к Заиду, пусть разбирается.

На душе стало тяжело от нехорошего предчувствия, и такое отчаяние охватило, что захотелось рвать на себе волосы.

Начал накрапывать дождь, ночь забила о стены домов и деревьев. Не слышно ни голосов, ни лая собак, только ветер завывал в деревянных стрехах крыш, да дождь барабанил по окнам.

— Господи, Иисусе! Знать, и мой черёд пришел, — тихо проскулила я.

— Не волнуйся, Люба, твой Господь из всякого угла молитву услышит, — подбодрил Гази.

Мы вошли в здание, похожее на ангар. Бесконечно долго шли по узким коридорам. Наконец зажелтила полоска света. В полутемном помещении, за столом, сидели какие-то люди и громко спорили. В густом табачном дыму невозможно было разглядеть лиц. У двери, на грязном полу, скорчился русский солдат, совсем ребёнок. Изборождённое глубокими порезами лицо серо, как земля после осенней вспашки. Синие потрескавшиеся губы. По облитому смертным потом лицу пробежала последняя судорога.

Ноги мои подкосились. Ожидая расправы, я смотрела на тело умершего вытаращенными от ужаса глазами. Дыхание смерти обручем сковало грудь, заломило челюсти, мышцы отвердели словно железо.

От стола качнулась тень, подползла ко мне, изогнулась и по-змеиному прошипела.

— Боишься? Правильно делаешь. Умоешься кровавыми слезами, сука!

Не знаю, откуда во мне такая дикая ненависть вдруг закипела, только вцепилась пальцами я в грубую ткань куртки его и прохрипела.

— Сукой мать твоя была, а не я! Забыл, что всех одинаково земля покрое! Не отдам сына! Даже мёртвым не отдам!

— Ну, раз смелая такая, иди за сараи. Там останки щенка своего найдёшь. Гази, проводи даму!

— Да как же в темноте могилу копать?

— А тебя никто не неволит, можешь уезжать обратно. Не выкопаешь до рассвета, убью.

Гази шепчет:

— Крепись, Любушка, крепись, милая, чуть-чуть потерпеть осталось. Я помогу. Сам рыть буду.

И была в его словах такая любовь и участие, что и силы мне придала, и твердость.

Мы шли по следам моего мальчика: мимо перекошенных заборов, можжевельных кустов, камней, сплошь покрытых ржавой колючкой. Вот оно, это место... Молчание, полное невыплаканных слез и тоски, повисло в воздухе. Гази скинул шапку, утёр ею лицо и врезался в черную грудь земли. Он атаковал её как ненавистного врага, с диким упорством и отчаянием. Откидывая с остервенением мокрые комья, выли и сыпал проклятиями. Чтобы не видеть и не слышать этого, я закрыла глаза и зажала уши. Время остановилось. Смерть вошла в меня. Очнулась я оттого, что кто-то сильно бьёт по щекам.

— Люба, вставай! Опознать надо! Он ли, посмотри!

На четвереньках подползла я к могиле, взглянула, а там рука Алёшина с наколкой морского конька белеет. Потом уж серьгу в ухе увидела, подарок невесты.

— Он это, мой сын! Вытаскивай, Гази, вытаскивай!

И снова сознание провалилось в глухую темноту.

Ростов-на-Дону...

В воздухе порхает первый мокрый снег. Уж не шумят леса, в бессилии поникли ветви. Я в самолете, и со мной груз «200». Спустя шесть месяцев я возвращаюсь с войны. В по-

ступках моих не было величия силы, дерзости духа. Судьбой предрешено было прожить лишь ужас, боль и отчаяние потерь. Сердце, как уголь, сгорело, потому, что вдоволь испило горя и своего и чужого. Может быть, вы думаете, я герой? Увы. Не защитила я никого на этой войне. Всего лишь искала своего сына и на каждом сантиметре пути проклинала всех, затеявших эту бессмысленную, позорную бойню, бросивших на растерзание дудаевским шакалам моего мальчика, моего единственного ребёнка! Вы можете не согласиться со мной. Но я-то знаю правду. Я там была...

Огуречная голова

Дед Андрей был характером неугомонным и смешливым. Горе принимал с достоинством. От радости не скакал, только делался ещё веселей. Он относился к той редкой категории людей, которые, несмотря на почтенный возраст, сохранили чувство юмора, открытость к людям и удивительную щедрость. В этом он видел смысл и отраду своей жизни.

Было раннее утро, когда Андрей Ильич спустился по скрипучим ступеням во двор, потянулся и произнёс негромко:

— Здравствуй, небушко, здравствуй, солнышко, и заботы дневные. Я ещё жив. Смерть пока со мной только забавляется, а значит, покружимся ещё.

Мне стало неловко от того, что я случайно подслушала его монолог.

— Андрей Ильич, доброе утро! Как здоровье?

— Доброе утро, соседка. На душе — здоровье, в ногах — хмельной бай засел, руки за глазами не поспевают: перебрал вчера маленько. Ты когда на рыбалку пойдешь? Рыбки жареной хочется.

— Сейчас и пойду, пока солнце невысоко. Приходите вечером в гости.

— Ты мне, голубка, такую рыбу поймай, чтоб Божьей тайной со мной поделилась!

— А на что вам тайны Божьи?

— Глупая ты! Знать хочу, долго мне на этом чурбане засидеть, когда своего сына увижу?

— Думаю, не народилась ещё такая рыба. Вы и правда, Андрей Ильич, вчера перебрали, раз с утра такая грусть навалилась.

— Огуречная твоя голова! Беден тот дом, где большой праздник на одной табуретке помещается...

Где-то прокуковала кукушка, обозначив границы времени. Пора.

Река медленно просыпалась. Её ровный гул успокаивал и погружал в дремоту. Поплавок шлёпнулся и, приняв вертикальное положение, затих. Вдруг вода у берега заволновалась, запузырилась, что-то забулькало, заплескалось. Округлые рыбы спины, сияя чешуйчатой позолотой, поднялись

над водой, плавно заскользили, почти не поднимая волну. Под их толстыми брюхами стайки мальков дружно нарежали круги. Это был зов новорождённых, посланный в новый, раздольный мир. Нерест! Вот так удача! Азарт был потерян, рыбу можно черпать ведром, но зато какой фарт!

Наступил вечер. Рыба ещё шипела, скворчала на сковороде, когда в дверь постучал нарядный Андрей Ильич. Сели за стол.

— Вот оказывается, какое оно, соседское угощение: язык проглотишь! Хороша рыбка!

— Андрей Ильич, всё спросить хочу, как же вы один тут зимуете?

— Как сказать. Случается, приболеешь, и простого хлеба в доме нет. Дома рядом большие, заборы высокие, только уж очень люди равнодушные. Как не по силам станет, к внучке в город переберусь. А я завтра тоже рыбачить пойду. На уху ко мне приходи. Рыбу в печи, на угольках, запарю с корешками пастернака и сельдерея.

Следующим вечером я направилась к Ильичу с ответным визитом.

— Про уху я сбрыхнул невзначай, — оправдывается дед

Андрей, — так что давай, соседка, вечерять жареной картошечкой с малосольными огурцами.

От печи шёл приятный жар. Старик балагурил, вспоминал истории молодости.

— Отец однажды крапивой отхлестал за то, что камушками чужую курицу с огорода гонял. « В кого, — кричит, — у тебя такая сердцевина дубовая? И в курице душа бьется. У всего душа есть: у каждой травинки, веточки. Сорви цветок, и тот заплачет». Понял тогда отца своего, не затаил обиды. Сознаюсь, не поймал я рыбы сегодня: нерест идет. Как можно её изводить, ежели она дитя в животе носит. Это уже живодёрство какое-то.

Страх шевельнулся во мне. Я уже не слышала, что говорит дед Андрей. Из головы не выходила вчерашняя рыбалка. Что же со мной произошло? Что это: жадность, самая обычная глупость или что-то совсем другое, похуже? В груди заныло. Эх, огуречная моя голова!

Расстались мы затемно. Закрывая калитку, я обернулась на избу Андрея Ильича. Горящие окошки были особенно приветливыми, щедрыми. Не будь они щедрыми, разве звали бы к себе так радушно. Колыхнулась занавеска. Дед Андрей ласково помахал рукой.

В глубине сада мой дом показался глухим и незрячим, он словно искал опору и утешение. Недоеденная рыба лежала

на сковородке, холодная и невкусная.

Если бы деревья могли кричать

Мне семь лет. Иногда вечерами я украдкой прокрадываюсь в сад. Где-то в задубелой утробе старой яблони слышен неясный гул. Дух земли питает её кряжистое тело. Прошлое просачивается и изливается влагой сквозь растрескавшуюся плоть. Склоняясь перед неизбежным, яблоня пытается возвысить свою немощь воспоминаниями о прошлых победах и невысказанных тайнах. В эти краткие часы сна дерево медленно и тяжело дышит. Его веки подергиваются в безмятежной дремоте, и мне становится неловко от мысли о том, что яблоня умирает.

Но вот небо приходит в движение: луна покатила вправо, а за ней, не отставая, заскользила, брызнула искрой в настороженной тишине ночи звезда. Я наблюдаю за её свечением сквозь дырочку на листочке, и кажется, что именно через это маленькое отверстие звезда приветствует меня более почтительно. Взволнованные, трепещут, качаются на тонких стебельках капли вечерней росы. Я падаю в этот таинственный мир, затаив дыхание, и моя прекрасная сказка вновь оживает!

С тех пор прошло немало лет. Но я снова возвращаюсь сюда, чтобы услышать свой голос, увидеть лица ушедших родных, друзей. Мой яблоневый сад и эта звезда — главный пункт назначения, по которому я постоянно сверяю свою

жизнь.

В этом году май был особенно ласков. Из открытого окна пахло сиренью и нагретым солнцем.

Около полудня к дому подъехала машина. Развязанной походкой незнакомец направился к калитке. Заметив гримасу недовольства на моём лице, небрежно сплюнул сквозь песочные зубы и процедил:

— Через неделю будут проводиться работы по газификации. Эту яблоню надо убрать.

Подняв на дороге облако пыли, машина скрылась за поворотом. Нависла душная тишина. В смятении, с беспредельной мольбой яблоня опустила ветви к земле. Невозможно без слёз смотреть на раскинутые, ещё не поруганные, не вывихнутые руки ее. Если бы деревья могли кричать, стон стоял бы до самого неба.

Неожиданно из-за забора появилась голова деда Андрея.

— Погоди горевать. Это собачье племя обухом не перешибёшь. Пойдём к магазину, послушаем, что народ говорит. У всех одна беда.

Толпа гудела и колыхалась. Испугавшись шума, закружи-

ли в воздухе птицы. На середину, важно выпятив губу, выдвинулась плотная бабёнка:

— Думаю, в город надо писать и требовать согласования плана.

В ответ посыпались нестройные возгласы:

— Двери и ворота закрыть на замок. Вот и весь разговор.

— А если полицию пригонят?

— Ага, мечтай. И миномёты с гранатами подвезут.

— А давайте Митрофанова кобеля на них спустим. Он любой миномёт грудью раздавит.

— Лучше Валентину на передок отправим: у неё титьки с аэропорт Шереметьево.

— А я не против газа: до конца века, что ли, на печи готовить. Дрова нынче, как слиток золота.

— Ты бы, Анька, не скулила. У тебя мужик — лесничий. Натаскает.

Анна грозно сдвинула брови и рванулась к обидчику. Бабы сбились в кучку и, вытянув шеи, с жадностью приготовились слушать.

— Что ты мне мозг выклёвываешь, как зёрна из колоса! Я чужого не брала! Каждому надо как-нибудь прожить!

— Не бранись, соседка. В деревне, сама знаешь, люди сквозь стены видят даже то, чего не было.

— Тихо! — грозно рыкнул дед Андрей, — держите своих волков на привязи! Вы как дети малые: то смех, то скулёж, то злоба да попрёки! Ваши крики сейчас, что мёртвому кадило, не помогут. Нам эту машину не сломать. Будем пилить!

И все примолкли, словно захлебнулись солнечным кипятком в этом белом слепящем зное.

Наступил вечер. Густые свинцовые тучи нависли над землей, всё притихло, затаилось в тревожном ожидании. Но вот порыв ветра взметнул столбы пыли, стало темно, солнце погасло. Сквозь мрак струя ослепительного света прорезала облака. Гром прокатился по небу. Застонали деревья, полегли травы. В саду раздался оглушительный треск. Повеяло жутью.

Яблоня падала медленно и тяжело. Удар грома разорвал

её внутренности. В немом крике уронила она корону и покорилась тому, что должно было с нею свершиться. Мутная мгла и потоки дождя всё сильнее прижимали обессиленную плоть к земле. Гроза бушевала более часа, а когда небо прояснилось, всё было кончено. Тишина сошла на мир, и только с далекого поля доносился горестный плач выпя.

Я вышла в сад. Какая-то птица с шумом пролетела над головой. Сквозь омытые дождем листья мелькнул знакомый огонёк. Луч скользнул по траве у самого корня яблони и осветил тоненький побег. Губы дрогнули в улыбке. Завтра я посажу тебя на новое место. И ты дерзко устремишься к небу. Звезда заглянет в твои широко открытые глаза, а полная сил молодая листва прерывисто и взволнованно расскажет мне новую историю. О чем? Да какая разница. Про будущую красную осень, про запоздалых деревенских гуляк, про деда Андрея, про то, от чего светло и тепло на душе. Главное, чтобы было кому слушать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.